

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ

СТРУКТУРАЛИЗМ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

(Возможна ли структуральная диалектология?)

Нельзя не согласиться с теми участниками дискуссии о сущности структурализма, которые считают необходимым отделять чисто лингвистическую сторону структурального направления в языкознании от философских или псевдофилософских высказываний отдельных его представителей¹. Эти высказывания, так часто цитируемые критиками структурализма, по существу очень мало дают не только для оценки лингвистических приемов, но и для понимания самих философских основ структурализма. Причины этого различны.

Отдельные философско-лингвистические высказывания структуралистов и их предшественников нередко находятся в прямом противоречии с другими положениями, выдвигаемыми этими же учеными или их соратниками. В качестве примера можно привести оценку, даваемую Ф. де Соссюром материальной стороне языка. В своем «Курсе общей лингвистики» Соссюр неоднократно подчеркивал, что «...звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать к языку. Он для языка нечто вторичное, лишь используемый им материал»². Это высказывание Ф. де Соссюра часто расценивается как неоспоримое доказательство его идеалистических воззрений. Но по этому же вопросу у Соссюра имеется немало высказываний, которые позволяют считать его и материалистом. Ср.: «не бывает языковых фактов вне звукового материала, расчлененного на значимые элементы»³.

Представители Пражского лингвистического кружка, опираясь на последнее положение, постоянно указывали на необходимость учитывать материальную сторону языка. Ср., например, в «Проекте стандартной фонологической терминологии»: «В тех случаях, когда в языке два звука выступают в одних и тех же фонологических условиях и ни один из этих звуков не может быть заменен другим звуком так, чтобы смысл слова не изменился, эти два звука способны дифференцировать значения слов и реализуют две различных фонемы»⁴.

¹ См.: С. К. Шаумян, О сущности структурной лингвистики, ВЯ, 1956, № 5, стр. 39; М. И. Стеблин-Каменский, Несколько замечаний о структурализме, ВЯ, 1957, № 1, стр. 35.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики [перевод с франц.], М., 1933, стр. 117.

³ Там же, стр. 111.

⁴ «Projet de terminologie phonologique standardisée», «Travaux du Cercle linguistique de Prague» (TCLP), 4, 1931, стр. 311; ср. также В. Тгнка, Určování fonému, «Acta Universitatis Carolinae», 7: Philologica et Historica, Praha, 1954, стр. 19—21. Правда, следует иметь в виду, что такие признаки, как «глухость», «заднеязычность» и т. п., используемые пражскими структуралистами, являются по существу не акустико-физиологическими, но семиологическими признаками.

Представители копенгагенской глоссематической ветви структурализма, напротив, пропагандируют и развивают те высказывания Ф. де Соссюра, в которых он отрицательно относится к изучению материальной стороны языка. Ср. хотя бы такое определение фонемы (или с е н е м ы, как называют ее глоссематики), приводимое Л. Ельмслевым: «единство, которое н е я в л я е т с я з в у к о м, но которое может быть представлено или передано звуком»¹.

Нередко случается, что теоретические (философско-лингвистические) декларации структуралистов вступают в противоречие с их лингвистической практикой. Действительно, если судить о философских установках Л. Ельмслева по его собственным заявлениям, то он, несомненно, должен быть отнесен к последователям «логического» идеализма (Р. Карнап, Б. Рассел, А. Айер и др.). Для этого достаточно сравнить «структурный подход к языку» Л. Ельмслева, представляющий собой, по его словам, «изучение чистых отношений в языковой схеме независимо от проявления или реализации ее...», ² с такими, например, агностицистическими декларациями позитивистов: «...физические события известны нам только в отношении их пространственно-временной структуры. Качества, которые составляют эти события, — непознаваемы, они совершенно нам неизвестны...»³. Больше того, сам Л. Ельмслев глубоко уверен, что «структурный метод в языковедении имеет тесную связь... с логистической теорией языка... разработанной Уайтхедом и ...Расселом, а также венской логистической школой, в особенности Карнапом...»⁴.

Однако не следует слишком доверять декларативным заявлениям глоссематиков, а также текстовым совпадениям между их «теоретическими» высказываниями и догмами позитивистов⁵. Если обратиться к частным вопросам глоссематического анализа, то окажется, что Л. Ельмслев и его ученики постоянно отходят от провозглашенных ими философско-лингвистических принципов. Так, Л. Ельмслев подчеркивает, что изучение материальной стороны языка не входит в задачи языкознания, поскольку и звуки и концепты, отражающие в нашем сознании предметы внешнего мира, лежат за пределами языка⁶. Вместе с тем, разбирая частные случаи глоссематического анализа, Л. Ельмслев постоянно обращается к языковой субстанции⁷. Что касается других структуралистов, примыкаю-

¹ L. Hjelmslev, Structural analysis of language, «Studia linguistica» (SL), 1947, № 2, стр. 72; ср. также Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, «Acta linguistica» (AL), vol. VI, fasc. 2—3, Copenhagen, 1950—1951, стр. 60. В этом плане характерен глоссематический принцип классификации фонем в датском языке (см. L. Hjelmslev, Grundtraek af det Danske Udttrykssystem med 211000 Heublik på Stødet. Selskab for nordisk Filologi, Årsberetning for 1948—1949—1950, стр. 18. Подробнее о различиях между пражскими и копенгагенскими структуралистами см. С. К. Шаумян, указ. соч., стр. 51—53.

² Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 62.

³ B. Russell, Human knowledge its scope and limits, London [1949], стр. 47; ср. также Р. Карнап, Der logische Aufbau der Welt, Berlin, 1928, стр. 14—15.

⁴ Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 63.

⁵ Что касается Пражского и Женевского кружков, а также американских дескриптивистов, то говорить об их непосредственной зависимости от логистического идеализма вообще трудно.

⁶ Ср.: L. Hjelmslev, Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse (OSG), København, 1943, стр. 90—91; е г о ж е. La stratification du langage, «Words», vol. 10, № 2—3, 1954.

⁷ Так, говоря об устранении противопоставлений (oppositions), связанном со слиянием противопоставленных единиц (fusion), Ельмслев указывает, что они являются фактами субстанции (fait de substance). См. L. Hjelmslev, Note sur les oppositions supprimables, TCLP, 8, 1939, стр. 57. Языковая субстанция учитывается Ельмслевым при анализе кммутиаций (см. «La stratification...», стр. 171—172). О противоречиях между общетеоретическими положениями Л. Ельмслева и практикой глоссематического анализа см. B. Siertsema, A study of glossematics. Critical survey of its fundamental concepts, The Hague, 1955.

щих по своим взглядам к глоссематическим концепциям Л. Ельмслева, то они вообще выступают против исключения языковой субстанции из сферы лингвистического анализа¹.

Короче говоря, о структурализме, как и о любом другом научном направлении, следует судить не по словам, т. е. теоретическим декларациям отдельных его представителей, а по делам, т. е. по тем приемам, посредством которых обрабатывается конкретный материал; по тем путям, по которым идет обобщение и интерпретация добытых результатов; по тому применению, которое находят эти последние в практике; и, наконец, по тем перспективам, которые открываются в науке благодаря достижениям данного направления.

*

Перед языкознанием, как и перед любой другой общественной наукой, всегда стояли такие трудные проблемы, как соотношение статики и динамики (современное состояние языка и его историческое развитие), отношение общего и частного (языковая система и частное ее проявление, т. е. индивидуальное высказывание), взаимоотношение изучаемого предмета с другими формами деятельности человека (проблема языка и мышления).

Родоначальник всех направлений современного структурализма Ф. де Соссюр не смог разрешить эти вопросы и вынужден был ограничиться в своем «Курсе» формальным расчленением и противопоставлением категорий, составляющих указанные проблемные «узлы»². Отсюда родились известные постулаты соссюровского учения о языке: «Противопоставление двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютно и не терпит компромисса»³; «язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному же изучению»⁴; «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»⁵.

Однако было бы ошибкой считать, что последователи Ф. де Соссюра — структуралисты слепо восприняли эти догмы. Хотя в структуралистских работах часто встречаются ссылки на приведенные положения Соссюра, в течение последних 25 лет структуралисты вели интенсивные научные поиски, стремясь преодолеть догматизм Соссюра и научно решить указанные проблемы. Первая из них — противопоставление синхронии и диахронии — фактически уже не представляет затруднений. Сейчас не только разработана методика структурально-диахронического анализа⁶,

¹ Ср.: F. Hintze, Zum Verhältnis der sprachlichen «Form» zur «Substanz», SL, 1949, № 2, стр. 91—92; A. Martinet, Au sujet des *Fondements de la théorie linguistique* de Louis Hjelmslev, «Bull. de la Société de linguistique de Paris» (ESLP), t. 42, fasc. 1, 1946, стр. 37 и сл.

² Для начала XX в. такое разделение было прогрессивным, поскольку оно предохраняло исследователя от характерного для младограмматиков подавления синхронии преувеличенным историзмом, а также предостерегало от смешения языковых и психологических категорий.

³ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 90.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ См.: R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, 4, 1931; Ch. Bally, Synchronie et diachronie, «Vox romanica», vol. II, 1937, стр. 345—352; W. Doroszewski, Le critère fonctionnel dans l'évolution du langage, «Proceedings of the 3 Phon. congress», 1939, стр. 299—307; A. G. Haudricourt, Quelques principes de phonologie historique, TCLP, 8, 1939; A. Martinet, Rôle de la corrélation dans la phonologie diachronique, TCLP, 8; N. van Wijk, Umfang und Aufgabe der diachronischen Phonologie «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Ginneken», Paris, 1937; B. Malinberg, System et méthode, Lund, 1945, стр. 22—32 (Synchronie et diachronie); H. Yvon, Linguistique diachronique, linguistique synchronique et psychologie sublinguistique, «Le français moderne», 1952, № 2; A. Martinet, Function, structure, and sound change, «Words», vol. 8, № 1, 1952, стр. 1—32, и др.

но созданы оригинальные структурально-диахронические исследования по конкретным языкам¹.

Современный структурализм пытается также разрешить и вопросы о соотношении языка и мышления² и языка и речи³, правда, с оговорками о том, что рассмотрение этих соотношений относится к металингвистике (т. е. к науке о разных семиотических системах) и выходит за рамки микролингвистики (т. е. собственно языкознания)⁴. Однако факт остается фактом — языковедческая практика заставляет структуралистов, хотя бы они этого или не хотят, обращаться к указанным проблемам.

Структуральное исследование соотношения язык-речь предусматривает применение структуральной методики в диалектологии и стилистике. Это понятно: общезыковая схема реализуется в первую очередь в территориальных диалектах и речевых стилях. Впервые вопрос о применении фонологических критериев в диалектологии был поставлен в 1931 г. Н. С. Трубецким в статье «Фонология и лингвистическая география»⁵. В этой статье Трубецкой выступает против смещения фонологических и простых (вариантных) диалектных различий⁶. Дальше этих общих соображений Трубецкой не пошел. Он оставил совершенно незатронутой основную проблему структуральной диалектологии, касающуюся обычного противоречия между необходимостью структурного описания диалекта и отсутствием у последнего не только ясных территориальных границ⁷, но и четких языковых признаков⁸. Действительно, как, например, определить фонологическую систему диалекта, если изоглоссы отдельных элементов, входящих в ее корреляции, не совпадают⁹.

¹ См.: W. P. Lehmann, *Proto-Indo-European phonology*, Austin, 1952; F. V. Mareš, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj*, «Slavia», ročn. XXV, seš. 4, 1956; П. ван-Бейк, К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода, «Slavia», ročn. XIX, seš. 3—4, 1950; B. Trnka, *From Germanic to English. A chapter from the historical English phonology*, «Recueil linguistique de Bratislava», vol. I, 1948; A. G. Haudricourt et A. Juillard, *Essai pour une histoire structurale du phonétisme français*, Paris, 1949. В работе В. Бранденштейна находим комбинацию структурально-диахронической и статистической методики (см. W. Brandenstein, *Zur historischen Phonologie an Hand von altgriechischen Beispielen*, «Recueil linguistique de Bratislava», vol. II).

² См.: L. Hjelmslev, *La stratification*, стр. 170, 175—177; его же, OSG, стр. 46—49, 99; B. Siertsema, *указ. соч.*, стр. 146 и сл. Ср. также J. Marouzeau, *Analyse syntaxique et analyse psychologique*, «Journ. de psychologie normale et pathologique», 1950, № 1, и др. работы.

³ Попытка разрешить этот вопрос в плане структуральной методологии (микролингвистика — металингвистика) сделана Л. Ельмслевом (см. OSG, гл. XXII); по-прежнему этот вопрос ставится в работах: J. von Laczki, *Die Scheidung langue-parole in der Lautforschung*, «Proceedings of the 3 Phon. Congress»; H. Frei, *Langue, parole et différenciation*, «Journ. de psychologie normale et pathologique», 1952, № 2.

⁴ Ср. L. Hjelmslev, OSG, гл. XXII.

⁵ N. S. Trubetzkoy, *Phonologie und Sprachgeographie*, TCLP, 4, 1931.

⁶ Фонологическим различием между говорами является, например, противопоставление восьмичленной системы гласных в андалусийских говорах испанского языка (*i — e — ε — a — a: — o — u*) и пятичленной системы в кастильском диалекте (*i — e — a — o — u*). Пример вариантных (фонетических) различий между говорами: валашскому *z* соответствует молдавское *dz* (ср. *zi: dzî*).

⁷ См. L. Gauchat, *Gibt es Mundartgrenzen?*, «Archivum romanicum», vol. 3, 1919, стр. 365—403.

⁸ Ср. в этом плане отказ некоторых диалектологов от самого понятия «диалект» и введение нового научного понятия — «языковой ландшафт» (ср. K. Wagner, *Deutsche Sprachlandschaften*, Marburg, 1927).

⁹ «Антагонизм» между структуральными исследованиями и диалектологией объясняется также и различиями в методах работы. Для структурализма характерен дедуктивный, для лингвистической географии — индуктивный методы.

В большинстве новых работ по структуральной диалектологии этот вопрос обходится. Одни авторы ограничиваются рассмотрением отдельных фонем, описывая функционирование их вариантов в различных говорах и лишь отчасти указывая на соотношение рассматриваемой фонемы с другими членами архифонемного ряда¹. В других работах описывается фонологическая и морфологическая структуры диалектов в целом. Однако каждый раз речь идет о таких диалектах, которые имеют четко очерченные территориальные и лингвистические границы. В этом случае большинство изоглосс диалекта совпадает между собой, и структурное исследование диалекта ничем не отличается от структурного описания языка². Наконец, существуют попытки искусственного очерчивания диалекта путем выведения его средней изоглоссы. Эта последняя получается в результате статистической обработки всей суммы изоглосс данного диалекта³. Однако выведение средней изоглоссы неизбежно связано с искажением языковой действительности, поскольку из поля зрения исследователя искусственно устраняются переходные говоры, представляющие собой неотъемлемую черту диалектного ландшафта. Таким образом, во всех указанных случаях основное противоречие структуральной диалектологии не разрешается.

Значит ли это, что структуральный метод вообще не может быть применен в диалектологии? Нет, не значит. Правда, в настоящий момент для большинства языков невозможно дать исчерпывающего описания фонологических и грамматических структур диалектов, входящих в эти языки. На первых порах, по нашему мнению, следует ограничиться выявлением микроструктур — частных противопоставлений, архифонем и вообще простых систем с небольшим количеством коррелированных единиц. Приведу два примера из опыта работы над «Пробным диалектологическим атласом молдавских говоров» (ПМДА), составление которого начато летом 1956 г.

1. **Фонетика.** В молдавских говорах конечное [r] у существительных, имеющих агентивный суффикс *-ar* (< лат. *-arius*), а также у некоторых других имен обычно палагализовано (*čer'*, *maġar'*, *morar'*). Твердое [r] в указанной позиции наблюдается только в говорах района Измаил-Рени. Об этом можно судить на основании карты № 1; однако эта карта отражает лишь внешнюю сторону указанного явления. Дело в том, что замена твердого конечного [r] мягким может в ряде случаев нарушать кор-

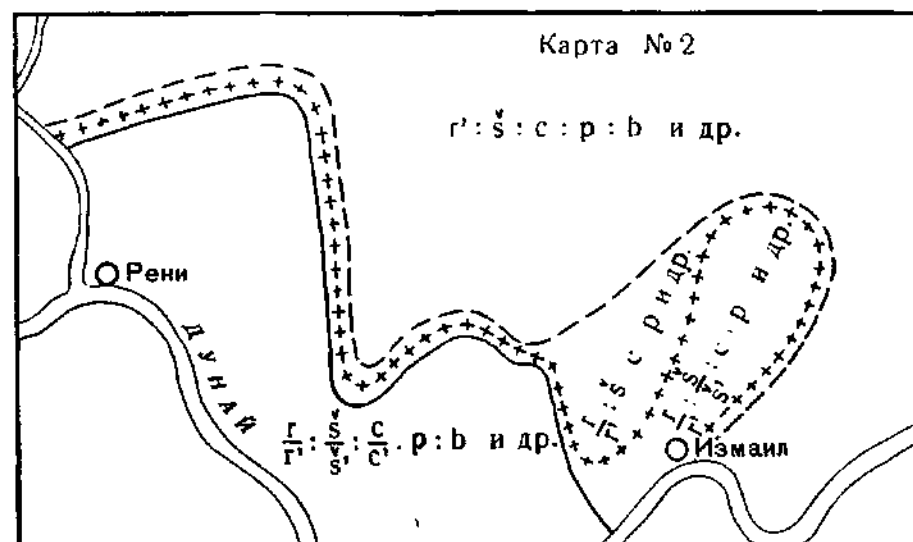
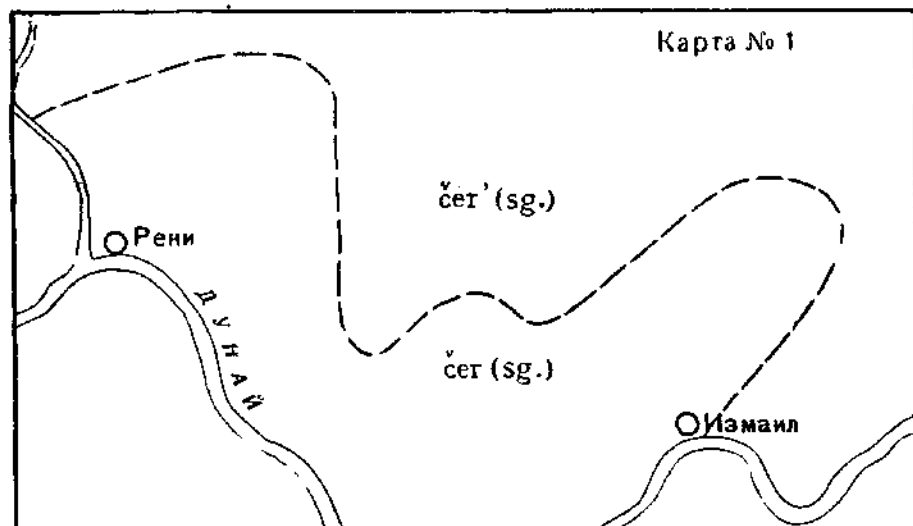
¹ Ср.: W. V á s q u e z, *El fonema [s] en el Español del Uruguay*, Montevideo, 1953; D. T a y l o r, *A note on the phoneme [r] in Dominica Creole*, «Words», vol. 8, № 3, 1952.

² Ср.: A P f a l z, *Zur Phonologie der bairisch-österreichischen Mundart, «Festschrift aus dem Kreise der Mitarbeiter an der Monumentalsammlung „Deutsche Literatur“ zum 60. Geburtstag ihres Verlegers Dr. E. Reclam»*, Leipzig, 1936; I. F. B r o u s s a r d, *Louisiana Creole dialect, Louisiana, 1942*; H. S c h m e c k, *Probleme der korsischen Konsonantismus. Phonologische Darstellung*, «Zeitschrift für rom. Philologie», Bd. 68, Heft 1/2, 1952; B. W. B e n d e r, G. F r a n c e s c a t o and Z. S a l z m a n n, *Friulian phonology*, «Words», vol. 8, № 3, 1952; A. H u l l, *The Franco-Canadian dialect of Windsor, Ontario: A preliminary study*, «Orbis. Bull. international de documentation linguistique», t. V, № 1, 1956, стр. 35—60.

³ См. E. B a g b y A t w o o d, *The phonological divisions of Belgic-Romance*, «Orbis», t. IV, № 2, 1955, стр. 380—381. Аналогичный прием, но уже в плане нелингвистической методики, применен в Г. Рольфом (см. G. R o l f s, *An den Quellen der romanischen Sprachen*, Halle (Saale), 1952, стр. 77 и 93; ср. также W. D o r o s z e w s k i, *Pour une représentation statistique des isoglosses*, BSLP, t. 36, fasc. 1, 1935).

⁴ Неслучайно одна из проблем международного конгресса языковедов в Осло (1957) формулируется так: «Возможна ли структуральная диалектология?» Структуральная диалектология защищается в следующих работах: U. W e i n r e i c h, *Is a structural dialectology possible?*, «Words», vol. 10, № 2—3, 1954; J. F o u r q u e t, *Linguistique structurale et dialectologie*, «Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie», Berlin, 1956.

реляцию [r : r'], которая у некоторых существительных имеет морфологический характер, являясь средством различения единственного и множественного числа. Поэтому приходится специально картографировать такие существительные (например, *morar*), нанося на карту не отдельные их

————— 1 ++++++ 2 ———— 3

1 — изоглосса, отделяющая нейтрализацию: *morar'* (sg.-pl.) от корреляции: *morar* (sg.); *morar'* (pl.); 2 — изоглосса, отделяющая нейтрализацию: *kukoš* (sg.-p.) от корреляции: *kukoš* (sg.); *kukoš'* (pl.); 3 — изоглосса, отделяющая нейтрализацию: *kîrnac* (sg.-pl.) от корреляции *kîrnac* (sg.); *kîrnac'* (pl.).

формы, но корреляцию форм единственного и множественного числа *morar*: *morar'*¹ (см. карту № 2). При этом оказывается, что морфологическая кор-

¹ Слово [cer] «небо» для этой цели не пригодно, поскольку у него приметой множественного числа служит суффикс [ur']; омоним [čer — čer'] «декоративный дуб» в Бессарабии не употребляется.

реляция [r : r'] имеет место только в районе Измаил-Рени, а в остальных молдавских говорах она нейтрализуется в виде мягкого [r'] (различение единственного и множественного числа достигается в этом случае синтаксическим путем: *un morar' — doi morar'*).

Возможности структурального анализа этим не исчерпываются. Сравнение судьбы корреляции [r : r'] с аналогичными корреляциями других согласных показывает, что потеря корреляции «палатальность: непалатальность» имеет место и у других согласных, например, у [š] и [c]¹. При картографировании пар существительных, соответственно оканчивающихся на эти согласные и дающих в литературном языке морфологическую корреляцию [š : š'] и [c : c'], оказывается, что ареалы корреляции и нейтрализации этих согласных и пары [r : r'] примерно совпадают. Таким образом, большая часть молдавских говоров фонологически не различает твердые и мягкие согласные, в то время как говоры района Измаил-Рени до сих пор еще сохраняют эту корреляцию. Среди них имеются и переходные говоры: в одном из них есть корреляции [r : r'] и [š : š'], в то время как в отношении [c] эта корреляция нейтрализована; в другом сохраняется только корреляция [r : r'] а [š] и [c], не дают фонологического различия твердости и мягкости. Учитывая все это, можно утверждать, что карта, составленная в результате использования структурной методики (картографирование отношений), более глубоко и полно отражает отношения отдельных молдавских говоров, чем карта № 1, основанная на традиционной методике (картографирование одного языкового элемента)².

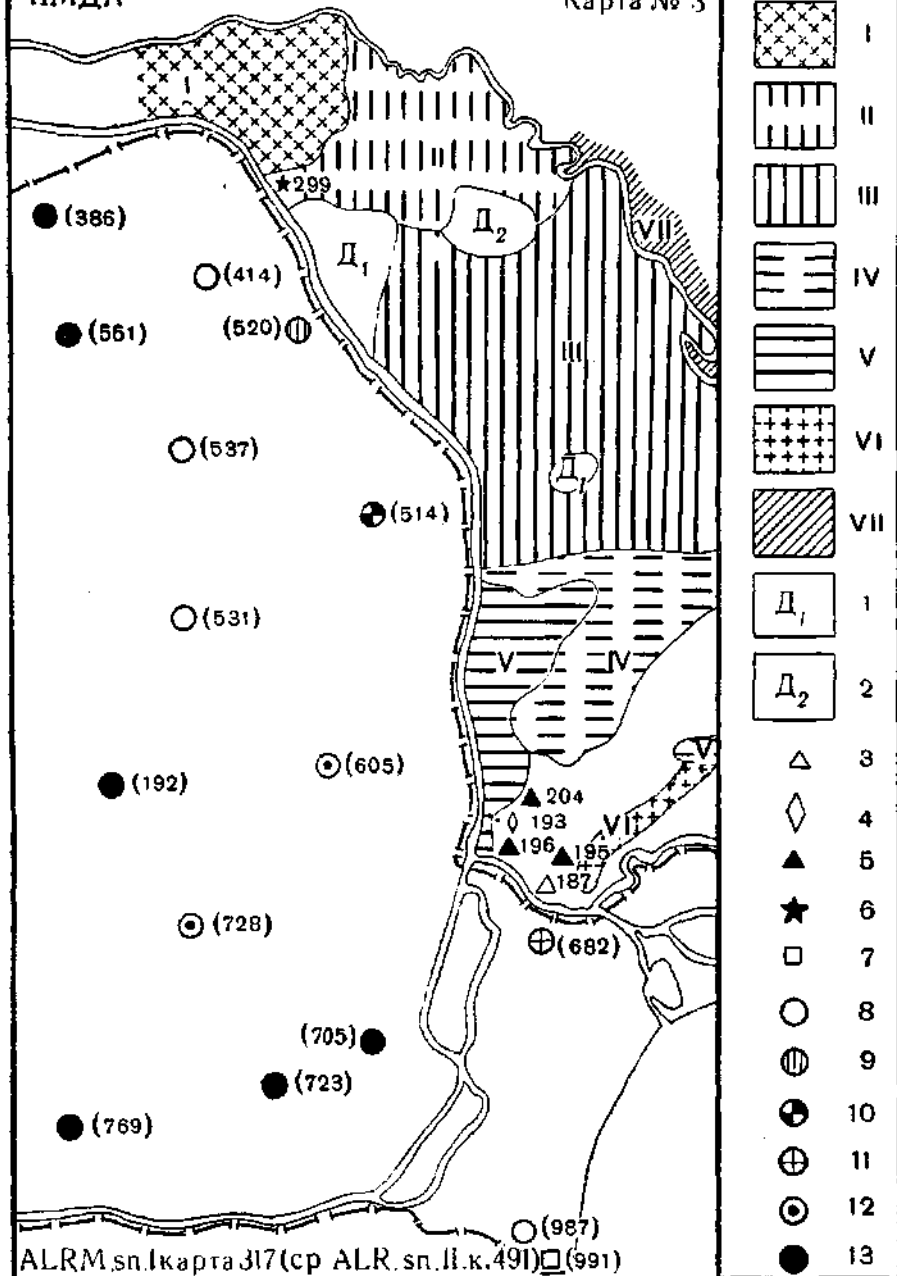
2. Лексика. В Малом и Большом атласах румынского языка имеются параллельные карты, регистрирующие распространение слов со значением «полотенце» (см. ALR, sn, II, карта 491; ALRM, sn, I, карта 317). Для обозначения указанной реалии во многих пунктах отмечается по несколько терминов (см. карту № 3), которые, по-видимому, не являются абсолютными синонимами, а скорее обозначают различные, хотя и близкие реалии или имеют стилистическую дифференциацию³. Вопрос об обозначениях реалии «полотенце» имеется и в анкете Молдавского атласа. Опираясь на принцип коммутации и учитывая результаты картографирования обозначений этой реалии в Румынском атласе, мы стремились выяснить при опросе в каждом отдельном пункте семантико-стилистические соотношения между терминами, обозначающими понятие «полотенце». В результате опроса выяснилось, что в большинстве пунктов молдавского ареала употребление указанных терминов отражает двучленную систему реалий — «личное (бытовое) полотенце» и «декоративное полотенце».

Но как картографировать полученные данные? Составление карт на отдельные слова не позволяло отразить сущность явления. Ареалы употребления вариантов частично совпали. Картографирование каждой реалии порознь снова не дало ясных результатов: один и тот же термин в разных районах обозначает то один, то другой вид полотенца. Кроме того, пункт 299 дает иные реалии, чем те, которые мы встречаем в других районах.

¹ Другие молдавские согласные (кроме сонантов) уже давно утратили фонологическое противопоставление мягкости и твердости.

² Усложнение карты № 1 за счет введения изоглосс на твердость и мягкость [š] и [c] в формах множественного числа (*kukoš' — kukoš, kīrnac' — kīrnac*) ничего не дало бы, поскольку без учета форм единственного числа эти явления нельзя соотносить с палатализациями [r] в словах *morar, ferar* и т. п.

³ Это подтверждается, между прочим, и свидетельствами самого Румынского атласа. — Ср. в пункте 991: *cel numit piskir e mai mare decât cel numit cărpă* или в пункте 886: *prozor pă boierește* (т. е. по-квизиному. — Р. П.); *ștergari, pă românește* — см. «Atlasul lingvistic român, Serie novă (ALR, sn), vol. II, [Cluj], 1956, карта 491.

I — штергар: шервет¹, II — шервет: шервет (фрулос, ку флорь), III — шервет: просоп, IV — штергар: просоп, V — штергар: штергар, VI — пейшир: пейшир, VII — мынештергура — ^{мынештергура} (просоп); районы с двойными системами: 1 — ^{просоп} штергар, 2 — шервет: ^{шервет} просоп; пункты, дающие особые системы: 3 — пейшир: штергар, 4 — штергар: пейшир, 5 — штергар: ^{штергар} пейшир, 6 — штергар: шервет: просоп (последнее слово обозначает декоративное полотенце, на котором подносят подарок); данные ALRM, sn, I, карта 317 (ср. ALR, sn, II, карта 491): 7 — см. в тексте стр. 32, прил. 4, 8 — şervet, 9 — prosop, 10 — ştergar, şervet, 11 — peschir, ştergar, prosop, 12 — prosop, şervet, ştergar, 13 — ştergar.

¹ Первое слово соотношений обозначает полотенце бытовое, второе — полотенце декоративное.

Четкая картина получилась лишь тогда, когда было произведено картографирование не отдельных слов и реалий, но их соотношений. Оказалось, что говоры Бессарабии различаются между собой не столько употреблением различных слов для обозначения указанных видов полотенца (здесь используется четыре слова: *штергар* — *шервет* — *просоп* — *пешкир*¹), сколько разницей в их комбинациях (см. карту № 3)².

Преимущество «структурального метода» обнаруживается и при анализе некоторых частных явлений. Рассмотрение частных противопоставлений, включающих недавно заимствованный турцизм *пешкир* (см. карту № 3), позволяет предположить, что его заимствование в пунктах 187, 193, 195, 196 диктовалось не появлением новой реалии (характерно, что слово *пешкир* обозначает в одних пунктах бытовое, в других — декоративное полотенце), но стремлением сохранить в языковой форме противопоставление реалий (ср. принцип коммутации), которое постепенно начинало ослабевать в южнороманских говорах (ср. зоны V и VI). Таким образом, вопреки рецептам копенгагенской школы, структуральный анализ оказывается полезным при изучении механизма заимствований и межъязыкового контакта³.

Рассмотрение соотношения элементов в «переходных» зонах (Д 1, Д 2 и пункты 195 и 196) представляет материал для историко-диалектологических наблюдений. Каждая из этих зон дает сосуществование двух частных корреляций, т. е. «диасистему»⁴. Ср.: в зоне Д 1 — *шервет* : *просоп*, как в зоне III, и *штергар* : *просоп*, как в зоне IV; в зоне Д 2 — *шервет* : *просоп*, как в зоне III, и *шервет* : *шервет*, как в зоне II; в пунктах 195 и 196 — *штергар* : *пешкир*, как в пункте 193, и *штергар* : *штергар*, как в зоне V. В зоне Д 2 оба частных противопоставления вступают между собой в коррелятивное соотношение, причем соотношение это носит не семантический, но стилистический характер. Корреляция *шервет* : *просоп* более употребительна и поэтому в стилистическом отношении нейтральна, нейтрализованная корреляция *шервет* : *штервет* употребляется редко и воспринимается как архаическая⁵. Корреляция сохраняется лишь в правой части нижеприведенного соотношения, а в левой она нейтрализуется:

$$\frac{\text{штервет} : \text{просоп}}{\text{шервет} : \text{штервет}} = \frac{\text{шервет}}{\text{шервет}} : \frac{\text{просоп}}{\text{шервет}} = \text{шервет} : \text{просоп}$$

Если полностью исключить стилистику из структуральной микролингвистики, как это предлагают представители копенгагенской школы, то в случаях синонимического употребления нескольких слов, различающихся лишь стилистической характеристикой, их пришлось бы квалифицировать как варианты одного и того же слова. Структуральная стилистика предохраняет от подобного «насилия» над материалом⁶.

¹ В левобережных районах Молд. ССР используется еще один вариант — *мынештергар*.

² Нельзя не отметить, что «структуральный метод» был подсказан нам и самими носителями говоров, которые не только отдавали себе отчет в системном расположении (как в плане лексики, так и в плане стилистики) отмечаемых нами слов, но и подмечали внутренние различия между лексическими системами в говорах родного села и соседних пунктов.

³ Подробнее см.: U. Weinreich, *Languages in contact, findings and problems*, New York, 1953.

⁴ Ср. его же, *Is a structural dialectology possible?*, стр. 390.

⁵ В области стилистики, как будто, также действует закон изоморфизма в соотношении употребления и содержания знака (ср. J. K u r y l o w i c z, *Linguistique et théorie de signe*, «Journ. de psychologie normale et pathologique», 1949, № 2, стр. 172). Применительно к стилистике этот закон можно сформулировать так: чем уже сфера употребления знака или системы знаков, тем ярче их стилистическая характеристика.

⁶ Ср. в этом плане W. V á s q u e z, указ. соч., стр. 9—10.

Характер стилистической корреляции обеих систем показывает, что корреляция *шервет* : *просоп* имеет тенденцию к постепенному расширению своей зоны употребления за счет сокращения ареала нейтрализованной корреляции *шервет* : *шервет*. Если учесть при этом, что в зоне II при обозначении декоративного полотенца слово *шервет* снабжается обычно каким-либо определением (*фрумос, ку флорь*), то станет ясным, что мы имеем дело с различными формами проявления в молдавских говорах закона коммутации, согласно которому «всякое различие в идее, усмотренное мыслью, стремится выразиться различными означающими»¹.

Итак, метод структурного анализа вполне может быть применен в диалектологическом исследовании. Это поможет глубже осмыслить конкретный материал и в то же время смягчить догматизм и увлечение крайностями, так часто свойственные новым научным течениям.

¹ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 119.